

ШКОЛА САМОПОЗНАНИЯ

ОСНОВЫ
НАУКИ ДУМАТЬ
I
Рассуждения

Александр Александрович Шевцов
Основы Науки думать.
Книга 1. Рассуждения
Серия «Школа самопознания»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38975248

А. А. Шевцов. Основы науки думать. Книга 1. Рассуждение:

Издательство «Роца»; Иваново; 2013

ISBN 978-5-902599-59-3

Аннотация

Серия книг «Основы Науки думать» посвящена исследованию того, как мы думаем, как работает разум. Как пишет А. А. Шевцов: «думать можно представляя, рассуждая и воображая». Первая книга посвящена РАССУЖДЕНИЮ и содержит части «Самые общие понятия», «Научные рассуждения», «Живое рассуждение русского языка» и «Итоги рассуждения». Исследование ведется в ключе культурно-исторической психологии. Книга будет полезной для всех, кто занимается самопознанием, психологией, философией.

Содержание

Введение	5
Предисловие	7
Часть первая. Самые общие понятия	21
Раздел первый. Разум думает, задавая вопросы	24
Глава 1. Разум думает	24
Глава 2. Думать, задавая вопросы	29
Глава 3. Отучение или приучение?	34
Раздел второй. Думать рассуждая	38
Глава 1. Что такое рассуждать?	39
Раздел третий. Думать представляя и думать воображая	46
Заключение	47
Часть вторая. Научные рассуждения	49
Слой первый. Очищение	51
Раздел первый. Рассуждение психологов	54
Глава 1. Рассуждение психологов	55
Глава 2. Рубинштейн	61
Отступление. Психологическое мышление	65
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Александр Шевцов

Основы науки думать.

Книга 1. Рассуждение

© Шевцов А.

© Издательство «Роща»

* * *

Введение

Писать книгу с названием «Основы» чрезвычайно трудно. Как и с названием «Начала». Особенно если эта книга хоть в какой-то мера философская. В быту, когда мы берем книгу с названием «Основы чего-то...», мы понимаем, что это просто первая книга о предмете, и в ней изложено то, с чего проще всего начать разговор.

Но в философии, что Основы, что Начала – это не то, с чего надо начинать, чтобы было попроще. Это то, что удастся достичь глубочайшим проникновением в свой предмет, когда удалось прорваться под слои поверхностных и сложных понятий. Основы и Начала, говоря на научном языке, – это Принципы, то есть первокирпичики, из которых строится все здание этого Знания или Науки. В них нельзя ошибаться, в отличие от сложных и запутанных поверхностных понятий. Иначе все здание окажется кривым.

Но как же тогда назвать то, с чего можно начать, чтобы было попроще? Введением? К сожалению, я уже исчерпал эту возможность в предыдущей книге. Введение сделано и оказалось недостаточным для того, чтобы можно было излагать собственно Основы. Надо бы двигаться от крыши вниз, последовательно описывая само строение или устройство Науки думать. Но как это сделать попроще? Как сначала дать самый общий очерк того, что так обильно и сложно?

Вот и приходится говорить об основах с маленькой буквы – то есть о чем-то, что еще не Начала, не Принципы, но основное, без чего точно нельзя, если собрались изучать эту науку. И получается, что мне надо говорить просто и весьма обобщенно, но при этом о том, без чего точно нельзя. А это опять же Основы, только пока описанные еще не тем окончательным языком, какой обретает человек, действительно достигший истинного видения.

В общем, Основы науки думать – это не изложение тех ее неперменных Начал или Принципов, из которых действительно строится всё в этой науке. Это попытка очертить и сузить предмет исследования до такого состояния, чтобы однажды суметь прийти к Основанию, которое действительно не будет иметь ничего лишнего, но при этом будет обосновывать прикладную работу, как полагается точной науке.

Следовательно, в этой книге я еще не смогу в каждой главе уверенно сказать, что описанное мною является одной из Основ, на которой вы можете строить точное рассуждение или прикладную работу. Но я точно могу заверить, что каждая глава – это движение к Основам и Началам Науки думать.

Предисловие

Эта книга для меня естественно вытекает из предыдущей – из «Введения в Науку думать». Поэтому столь же естественно сказать несколько слов о том, что можно считать выводами предыдущего исследования.

В сущности, кроме самого общего описания того, как происходит думание, «Введение» дало лишь одну мысль, которую я считаю действительно важной. Оно показало, что в мире за последние тысячелетия не сделано ничего, что может быть названо Наукой думать, и, что еще страшней, за последние век-полтора произошел отказ не только от души, но и от разума.

По мере того, как в мире побеждали наука и научное, точнее, естественнонаучное мировоззрение, разум вместе с душой выбрасывались из рассмотрения, все больше превращаясь в бытовые понятия, заслуживающие вытравливания или, в лучшем случае, высокомерной насмешки.

Сама современная наука не только считает понятие о душе суеверием и даже мракобесием, но и почти не поминает разум, заменив все многообразие народных понятий о разумности и способах думать, на одну большую свалку мусора по имени «мышление». Научное мышление в узком смысле – это наука о мысли, а в широком – обо всем, что происходит «в голове». Допущение, что мысль может существовать

и не в голове, с тех пор, как появилось учение о мозге, недопустима... даже если верна.

Наука явно занята не тем, как познать человека. Обилие публикаций в психологических и философских научных сборниках последних лет оставляют ощущение странного сна, в котором люди лихорадочно плодят какие-то тексты, кажущиеся им осмысленными и последовательными по мысли. Так же осмысленны и последовательны кажутся открытия, которые совершаешь во сне. Пока не начнешь их пересматривать, проснувшись...

Наука определенно чем-то не лениво занята. К сожалению, к этому источнику мудрости не стало дорожек для простых смертных. Язык науки больше не напоминает человеческую речь. Как и когда наука утеряла разум?

Эта операция над собой длилась довольно долго, но все же есть рубеж, на котором произошел слом. Сломан был весь мир и в том числе и мировая наука. Почему-то это до сих пор не признано. Думаю, исключительно по политическим соображениям Запада, всеми силами показывающего, что он не зависит от России.

Однако, рубеж этот – русская революция 17-го года, про которую американский писатель сказал: десять дней, которые потрясли мир. Как это относится к науке?

После русской революции весь мир раскололся на два враждебных лагеря, точнее, на два воинствующих лагеря. Начинается гонка вооружений, рождаются военно-промыш-

ленные комплексы, а наука становится служанкой технологии.

Иными словами, с этого времени ученый знает, что будет хорошо зарабатывать, только работая на войну. Вся современная государственная наука – это оружие войны – технической, экономической или идеологической. Ее задача – побеждать. Победа в войне требует мобилизации сил и ресурсов. Для этого надо отбросить лишнее. И лишнее отбрасывается...

В 1914 году один из творцов русской науки, создатель Петербургского философского общества, Александр Иванович Введенский выпустил манифест новой науки. К 1917 году эта его работа – «Психология без всякой метафизики» выдержала уже три издания.

Какое значение эта работа имела для развития последующей русской, то есть советской психологии, определенно сказать трудно: советские психологи Введенского в своих трудах поминали редко. К тому же в Советской России, когда происходит усиление центральной власти, то есть власти Москвы, тон в психологии задают московские ученые, а Введенский был петербуржцем. И все же работа эта, пожалуй, была последним полноценным учебником психологии, написанным до революции. К тому же, как пишет Н. О. Лосский, Введенский

«был одарен не только точным и ясным умом,

но также исключительным талантом педагога. Тысячи студентов посещали его лекции в университете, на Высших женских курсах и в Военно-юридической академии. Введенский вдохновлял их своими идеями с необычайной силой» (Цит. по: Алексеев П. В., Философы, с. 171).

Советские психологи вполне осознанно замалчивали труды русских предшественников за исключением тех, кто соответствовал политической идеологии нового строя. В 1925 году революционное издательство «Работник просвещения», взявшее на себя роль «Энциклопедии» Дидро и Даламбера в невежественной России, издавшее множество книг, предназначенных закрепить политический переворот переворотом мировоззрения, выпускает «Очерк психологии» С. Кравкова.

Переворот мировоззрения, как это предполагается, должен поменять местами верх и низ. Для психологии это означает, что вместо души должно стать тело. Чтобы это получилось, нужно оторвать народное мировоззрение от его корней – иначе дерево продолжит расти, как и раньше. Поэтому издательство, ставя себе целью создание «выдержанного марксистского руководства по психологии», объявляет, кого психологам считать своими корнями:

«Задача построения такого руководства, впрочем, далеко еще не решена: предстоит большая и сложная работа по пересмотру основных

положений современной американской “науки о поведении человека”, учения об условных рефлексах, методов так называемой объективной психологии и т. д. в смысле использования их положительного содержания под углом зрения диалектического материализма» (Кравков, Очерк, с. 3).

Наша довоенная психология строила себя заново, выводя из американцев, Павлова, Бехтерева и нескольких естественников, вроде Корнилова, Ланге, Блонского. Выглядит это жутко, будто Россия – страна американских антиподов. Те же американцы, только вверх ногами...

Введенский не поминается «Работником просвещения», но его не могли не знать те, кто по революционному призыву пришел делать новую психологию. К примеру, на него опирается Выготский. У кого-то учиться было надо. Введенский не поминается государственниками потому, что до этой работы он был кантианцем и метафизиком. Он говорил о вере как об источнике познания и даже утверждал, что у нас есть особый орган познания – «метафизическое чувство». Как его занесло в создание курса естественнонаучной психологии?! Подсуетился, чтобы идти в ногу с мейнстримом, как сейчас говорят. Как подсуетились Блок с его «Двенадцатую», Маяковский, Горький...

Исходная мысль революционной работы Введенского:

«Изучение душевных явлений в основной

психологии удобнее всего начинать с познавательных явлений. Они делятся на два главных класса: восприятия и мысли, причем термин мысль возник уже в обыденной жизни, термин же восприятие установлен наукой и составляет перевод латинского *perceptio*» (Введенский, Психология, с. 89).

Введенский здесь не чист. Или не точен в своих рассуждениях. Само по себе слово «восприятие» существовало в русском языке издревле и самостоятельно. Срезневский отмечает его еще в Ефремовской кормчей книге, написанной около 1100-го года: «О божественном восприятии» и «О вещах естества восприятие» (Срезневский, т. 1, с. 417).

Значит, речь идет не о русском языке, а о языке научном, где русскому слову «восприятие» уже давно приписано значение латинского *perceptio*, а вот русскому слову «мысль» такое значение еще не приписали. Именно этим Введенский и занят дальше. Он посвящает изрядную часть книги тому, чтобы выхолостить из слова «мысль» его исконное содержание и придать новое, удобное для целей естественнонаучной психологии. Поскольку я работаю в ключе психологии культурно-исторической, подобная подмена воспринимается преступной. Обойти молчанием ее недопустимо, потому что именно из этого корня растут и накапливаются ошибки в изучении души.

Суть своего предложения – изучать мысли, а не душу – Введенский заимствует у американского психолога Уилья-

ма Джемса. Думаю, он был поражен образом «потока сознания», описанного Джемсом. В действительности, Джемс не писал ни о каком «потоке сознания», так его стали переводить позже. В оригинале он пишет о «потоке мыслей», а Введенский читал его в оригинале и был очарован.

Вся психология свелась для него сначала к тому, что можно изучать естественнонаучно. И он, по образцу Вундта и Челпанова, создает лабораторию и различные приборы для «быстрого демонстрирования опытов с реакциями». А затем, начитавшись Джемса, приходит к убеждению, что если упростить психологию до изучения только мыслей и того, что можно изучать приборно, будет здорово! И вот он принимается плести сети для улучшения вновь обращенных:

«...следует ли изучать мысли посредством изучения тех душевных способностей и душевных актов, которым обыкновенно приписывают возникновение и все особенности мыслей, или же, напротив, надо изучать их прямо, независимо от этих способностей и актов?

Дело в том, что разнообразие душевных явлений внушает нам в обыденной жизни мысль о существовании разнообразных способностей души. Например: воспоминания внушают мысль о памяти, желания о воле, т. д. Понятно, что и в науке, когда впервые стали рассматривать душевные явления, тотчас же, под влиянием взглядов обыденной жизни, стали говорить о разных душевных

способностях» (Введенский, Психология, с. 136).

Действительно, если «заглянуть себе в голову» с помощью простейшего самонаблюдения, обнаруживаешь там одни только мысли и ничего кроме них. Никакой души и никаких ее способностей мы при этом не видим. Значит, мы делаем вывод, что они есть, лишь с помощью рассуждения, обобщая наблюдения над разными мыслями и состояниями. А еще больше, над языком, в котором народ отложил и закрепил все подобные наблюдения.

Но, во-первых, народу доверять нельзя! Он же не образованный! Во-вторых, и души-то, собственно говоря, нет. Есть психика. Значит, любые разговоры о способностях того, чего нет, – условность! Так отбросим условности и будем изучать лишь явления, в данном случае – мысли.

Рассуждение выглядит заманчивым и правдоподобным. Тем более, что призыв изучать явления прозвучал уже в Европе и в России из уст Гуссерля и Шпета. К тому же, на его основе, родилась целая Вюрцбургская школа психологии, изучавшая именно явления мысли и ставшая весьма авторитетной к тому времени, когда пишет Введенский. Его друзья Радлов и Лосский публикуют работы вюрцбургцев в сборниках «Новое в вопросах философии». Введенский о них знал.

Чем такой призыв оказался на деле? Примерно тем, чем оказался бы призыв изучать Собор Василия Блаженного не как памятник зодчества или духовное место, а по кирпичам,

из которых он сложен.

Лично мне этот призыв напоминает анекдот из теории вероятностей о том, что если стаду обезьян дать неломашие письменные машинки, то за бесконечное время они, барабанив по клавишам, напечатают все «Войны и миры», созданные человечеством. По математической теории вероятностей это возможно, как считают ее приверженцы. Возможность эта – механически повторить последовательность знаков – только математическая, но она так очаровывает самих математиков, что они просто не хотят смотреть в сторону людей и действительности.

Вот и психологу, который хочет отбросить все человеческие условности, плевать на тех, кто должен будет возиться с этой горой хлама. Когда обезьяны будут стучать по клавишам, для того чтобы понять, что из-под их пальцев вышло что-то осмысленное, нужно будет целое человечество, трудящееся в поте лица. Человечество, в поте лица своего, потрудились и вычленило в потоке мыслительного хлама какие-то закономерности, которые позволяют говорить об устройстве того, что производит мысли. И явно разглядело, что у души и сознания есть качества и способности. Это великий труд, но весь мир насилия мы разрушим до основания...

И потрудимся над тем же самым еще раз! Но это потом, и не мы. Это мы предоставим нашим глуповатым потомкам, которые будут восхищены нашим титаническим подвигом разрушения. Себе же мы заберем разрушительную часть!

Итак, разрушение.

«Но употребляя язык душевных способностей, то есть называя группы душевных явлений именами тех или других душевных способностей, очень легко сбиться на старинный способ изучения психологии. Чтобы предохранить себя от этой ошибки, следует так поступать: надо рассматривать душевные явления и управляющие ими законы сначала без употребления понятия душевных способностей; а когда будет окончен какой-нибудь вопрос, показать, как полученные результаты могут быть высказаны и на языке душевных способностей» (Там же, с. 137–138).

Это значит, что там, где новый подход уж совсем не работает и выглядит глупо, все же можно кое-что из потока мыслей увязывать с прежними понятиями. Но так, чтобы это выглядело лишь уступкой бытовому языку профанов. Ну, чтобы те, кто платит за наш труд, имели хоть какую-то иллюзию, что понимают науку...

«Но есть названия и таких душевных способностей, что от их употребления может быть только вред, так что от них надо отказаться в науке. Прежде всего это – разум и рассудок» (Там же, с. 138).

Вот и добрались до главного врага! И это – философ и кантианец! Объяснение просто, как тот пароход, с помощью

которого Советская Россия избавлялась от своих слишком сложных мозгов, отправляя вон лучших своих философов. Кстати, Введенского не посчитали достойным этого парохода, и он до двадцать пятого года бегал по Питеру и вел от лица естественной науки споры с попами на публичных диспутах.

«В самом деле: не только в обыденной жизни, но даже и в философской литературе эти названия стали столь неопределенными и многомысленными, что их употребление взамен удобства выражений делает нашу речь крайне сбивчивой и нелепой...

По всему этому слово “разум” пригодно только для того, чтобы прикрывать им в наших мыслях неопределенность, туманность и произвольность, а отнюдь не для того, чтобы служить полезным вспомогательным средством для науки» (Там же).

Мыслящий тростник предчувствовал приближающуюся бурю и клонился так, чтобы его не сломали. Разума у наших людей накануне революции оставалось так мало, что они, похоже, плохо соображали, что говорили.

Зачем Введенский приплел «обыденную жизнь», понять нельзя. Наверное, под ней он к этому времени понимал то светское околофилософское общение, которое имел вокруг себя. И там все было так же, как и в науке. А в науке определенно было только одно: запутали сами себя с понятием разума, запутали в попытке Разум превратить во вспомога-

тельное средство для науки. Ну, не лез Разум в эту узкую глотку и очень тем раздражал!

Можно было принять решение отступить на шаг-другой и попробовать понять разум еще раз. Но ведь революция! Поэтому проще выкинуть и разум, и рассудок из нового мира, оставив лишь тех, кто согласен угождать.

«Со словом же “разум” находится в тесной связи и значение слова “рассудок”, так что оно тоже становится каким-то неопределенным и сбивчивым, вследствие чего оно вместе с разумом тоже должно быть изгнано из науки» (Там же).

Кто не сдается, будет просто уничтожен! Кстати, ум Введенский тоже выкинул из рассмотрения всего через несколько строк. Как это похоже на то, что творила Советская власть, убирая неугодных, а потом и просто инакомыслящих:

«Отсюда ясно, что если слово “разум” имеет колеблющееся, сбивчивое значение, то его колебания и сбивчивость должны отражаться также и на значении слова “рассудок”. Поэтому приходится выбросить за борт их оба вместе.

Некоторые выдающиеся психологи, например – Джемс, Гейдинг и другие давно уже так и поступают: в их психологиях вовсе не упоминается ни о разуме, ни о рассудке» (Там же, с. 138–139).

Я не встречал в работах советских психологов, кроме ра-

боты Выготского, посвященной психологическому кризису, ссылок на этот труд Введенского. Но им их идейностью было запрещено помянуть всех, кроме одобренных. А вот по сути, американско-марксистская психология Советского Союза прямо вырастает из этого завета Введенского. И даже более того, она жестко и однозначно принимает его второе главное требование, вытекающие из изгнания Разума и Рассудка:

«Но как же нам сокращенным образом высказываться о душевных явлениях, если мы откажемся от употребления слов разум и рассудок?

Очень просто: в науке выработался и сделался общепринятым термин – мышление» (Введенский, с. 139).

Далее Александр Иванович бодро бредит по поводу мышления. Рассуждения его напоминают откровения снаразума, но ведь и те, кто изучал мышление после него, звучат не лучше. Главным доводом в пользу мышления и у них остается:

«Правда, относительно состава тех и других переживаний (входящих в мышление – АШ) существуют различные теории, и каждая из них по-своему определяет, в чем состоит сущность мышления.

Но это не беда; ибо первоначально термин “мышление” обозначает неоспоримый факт, признаваемый всеми теориями без исключения, именно

– переживаний, суждений и умозаключений» (Там же).

Едва ли современные психологи согласятся с последним «неоспоримым фактом», да и бог с ними. Главное, революция свершилась, главные опоры Души – Разум, Ум и Рассудок разрушены. По крайней мере, их удалось завесить декорацией Мышления.

Вот с таким итогом я завершаю «Введение в Науку думать» и перехожу к ее «Основам».

Часть первая. Самые общие понятия

Думать – это, бесспорно, решать задачи. Задачи любые, но исходно все они – задачи выживания, поскольку разум – это орудие, обеспечивающее нам возможность выжить на Земле. Выжить телесно, как кажется.

Но при внимательном отношении к этому вопросу, с очевидностью понимаешь: выживаем мы как души. Воплощенные в тела, но все же души. Это душа нуждается в теле для решения какой-то своей большой задачи, ради которой пришла. Именно поэтому мы иногда жертвуем своими телами и жизнями, если дальнейшая жизнь пойдет не по душе.

Разум обеспечивает душе возможность решить эту ее большую задачу, которую мазыки, чьи понятия я буду использовать и в этой работе, называли Скумой. Для решения ее душе воплощенной необходимо тело, и потому разум в первую очередь занимается обеспечением телесного выживания. Что и застит видение. Но все же за этим большее. И большее это всегда есть задача.

Задачи эти не похожи на школьные, поэтому их решают не математически. Их решают совсем другими способами. Вот с их описания и надо начать рассказ о самых общих понятиях Науки думать.

Самые общие понятия о Науке думать рождаются для меня из короткого отрывка, который я поместил в одной из заключительных глав «Введения в науку думать»:

«Думать – это представлять себя в тех условиях, в которых тебе предстоит решить жизненную задачу.

Если развернуть это до шагов думания или частей разума, то надо иметь несколько видов образов:

- образ мечты или того, что ты хочешь достичь;
- образ мира. В данном случае суженный, поскольку для решения задачи достаточно иметь образ условий задачи;
- образ себя, чтобы можно было его в этом образе задачи поводить;
- образ действия. Точнее, множество образов действия, из которых и нужно выбрать лучший;
- и образы возможных последствий, чтобы можно было вынести суждение о том, как же решать эту задачу, и тем завершить думание и перейти к действию».

От этого образа можно двигаться к более точному и утонченному пониманию. Для этого надо задаться вопросами. Вопросы эти, на мой взгляд, довольно естественно рождаются, когда читаешь сказанное выше. Их немало.

Например: думать – это представлять. Что такое представлять и что такое представление? Как оно связано с воображением, и что такое воображение? Что такое образы, в част-

ности, образы мира и образы действия? Что такое мечта? Что такое действие? Как думание связано с мышлением и как оно связано с вниманием? Является ли рассуждение составной частью думания, или же оно – его особый вид?

И многие, многие другие.

Предугадывать их заранее было бы напрасным трудом. Поэтому я пойду прямо от начала, пытаюсь удерживать строгое рассуждение. Оно само родит все необходимые вопросы, которые и составят путь, а значит, и способ решения моей задачи. Возможно, из этого родится кусочек Науки думать.

Раздел первый. Разум думает, задавая вопросы

Глава 1. Разум думает

В своем утверждении, что мы думаем, представляя ту задачу, которую хотим решить, как кусочек мира, его образ, в котором водим образ себя, проигрывая все возможные последствия, по которым и делаем выбор лучшего образа действия, я основываюсь исключительно на самонаблюдении. Никаких авторитетов или предшественников, говоривших то же самое, я не нашел.

Конечно, само понимание, что мы используем некие модели или образы себя, мира, возможных последствий и тому подобного, давно существует и в психологии, и в философии. Но почему-то никто не связал это с разумом и не сделал определением того, как разум думает. Наверное, это было очевидностью, которую просто не посчитали нужным называть. Или не догадались – так это очевидно.

Очевидно не значит истинно.

Я вполне могу ошибаться. И я определенно ошибусь, если ограничусь этим определением, хотя бы потому, что живой русский язык подсказывает и другие составляющие думания. К примеру, для меня естественно прозвучит предложение:

– Давайте подумаем: если это так, то...

Силлогизм «если – то», как кажется, относит подобные высказывания к логике. Но это только для испорченного академическим образованием ума. В действительности мы имеем просто пример рассуждения. Следовательно, рассуждение является частью думания. А значит, скорее всего, и рассудок является частью разума, одним из его устройств для работы с особым видом образов.

Вот это надо отметить: рассудок не может работать ни с чем другим, кроме образов, как и разум, просто потому, что ничего иного в сознании не существует. Его содержания – это образы и только образы. А разум и рассудок – это имена для устройства сознания.

Правда у самого сознания еще могут быть состояния. Но они у него, а не в нем. И с ними тоже можно работать, причем разумно вызывая или меняя. Но разум тут становится лишь орудием управления выбором, а не изменением состояний. Состояния меняет не разум, он лишь используется и в этой работе. Но об этом особо и не в этой книге.

Итак, что важно: разум думает представляя и рассуждая. Это очевидно. Но в чем разница? В качестве образов, которые используются. Если бы можно было говорить на языке, используемом логикой и современной наукой, можно было бы сказать, что образы разума – формальные. Это бредовое высказывание, масло масляное, поскольку формы – это и

есть образы на латыни. Но сейчас это не важно, важно бытовое значение слова «формальный». Формальный – это как-то отделенный от жизни, высушенный до безжизненности в отличие от образов представлений.

Пока этим и ограничусь: разум, думая, может использовать образы разного вида. Это тоже бред, поскольку переводящиеся русским словом «образ» греческие идея или эйдос имеют другим переводом именно вид. Образ – это то, что видится. Поэтому лучше будет сказать, что разум может использовать в своей работе образы разного качества.

Но тогда становится неправомерно противопоставлять эти образы друг другу как образы разума и рассудка. Если разум использует рассудок, то рассудок не равнозначен разуму, а есть лишь одно из его орудий или частей, приспособленное для использования только определенных образов. Пока можно условно обозначить их как рассудочные. Это абсолютно точное и столь же пустое наименование, поскольку поспорить с ним нельзя, но оно и ничего не раскрывает в природе этих образов. Но пусть у них будет не имя, но хотя бы знак имени, по которому мы их будем различать.

Но если для думания рассудочными образами, для их использования и обработки, разум создает или имеет устройство, которое народ называл рассудком, то и использование образов представлений не может идти всем разумом, а должно идти той его частью или тем устройством, что использует для думания образы представлений.

Как может быть названа эта часть разума?

Если опять же идти по самым прямым соответствиям, то думать представляя должно Представление как часть разума или его способность. Это бесспорно, но как-то сомнительно. Сомневается в этом мое языковое чутье, которое не помнит такого использования слова «представление» в живом русском языке. Для меня этой способностью скорее было бы воображение. Вот оно определенно есть и столь же определенно является способностью. Не ясно только, чего.

Ни психология, ни философия не связывают воображение с разумом. Но они не авторитет, поскольку вообще ничего с разумом не связывают. Они его просто не знают или знают хуже, чем обычные люди.

Поэтому остается лишь проверять и исследовать.

Но пока я склонен сделать допущение, что Представление вполне может быть способностью разума, поскольку мы всегда представляем себе нечто. И это бесспорно. И представляем мы это вроде как в воображении. И все бы хорошо, да вот беда, у воображения в таком случае появляются образы двух разных качеств. А именно те, что мы используем в представлениях, и те, которые рождаются, когда мы творим нечто новое, создавая воображаемые вещи.

Иными словами, есть ощущение, что воображение либо двойственно, либо ему по сходству приписали и то, что принадлежит другой способности. Мязыки, которых я считаю гораздо более знающими, чем современных психологов и

философов, разделяли Представление и Воображение, считая их разными способностями. И я пойду вслед за ними.

И заявлю: думать можно представляя, рассуждая и воображая.

Но если попытаться выйти к неким основам, пройдя за эти способности, то обобщенно можно сказать: разум думает, решая задачи с помощью представления, рассуждения и воображения. Конечно, это не научные задачи – математические или физические – хотя они тоже могут решаться разумом. Это всё задачи выживания или жизненные задачи. Но в них тоже есть нечто общее.

Мы решаем задачи, чтобы получить ответы на свои вопросы. Это не слишком строгое рассуждение. Совершенно строгим было бы: мы решаем задачу, чтобы обрести решение. Решение не есть ответ, но может быть так названо. Точнее, иногда ответы бывают и решениями. Иногда – нет.

Но мы привыкаем, особенно в школе, что у задач есть ответы, и в них можно подглядеть вместо того, чтобы решать задачу. И у нас складывается убеждение, что можно решать задачи, задавая вопросы и получая ответы. Верно ли оно? Я пока не знаю. Надо исследовать.

Разум наверняка может что-то еще, но я пока не в силах говорить об этом определенно. И поэтому последовательно пойду по тем шагам, что наметились, пытаюсь понять, как же работают эти устройства разума и что они представляют из

себя как способности.

Глава 2. Думать, задавая вопросы

То, что вопросы ведут к обретению знаний, – это глубокое научное убеждение. Отсюда рождался научный фольклор о почемучках и журналах «Хочу всё знать», колющих орешек знания. Охота за знаниями, а не за решениями, – похоже, сильная ловушка, поскольку со времен Аристотеля наука живет именно поиском знаний.

Собственно говоря, она и создавалась как орудие обретения знаний, поэтому к ней претензий нет. Наука – узконаправленное орудие, предназначенное добывать, а когда добыть негде, то и создавать товар по имени знания. Поэтому наука разрабатывала способы добывания знаний и не занималась тем, как думать, оставляя это бытовому разуму.

Вопрос как способ добычи знания оказывается основным орудием науки в ее широкой части, охватывающей человечество почти поголовно. Лишь там, где находится ее передовой фронт и идут исследования, ученым приходится думать. Всё остальное пространство этого искусства не предполагает, просто потому, что есть предписание: прежде чем думать самому, нужно обрести на это право. А право дается вместе с эрудицией, то есть с достаточным и проверенным товарищами объемом знаний.

Поэтому во всей огромной пирамиде науки, почти до са-

мого исследовательского острия, люди решают свои задачи, спрашивая, как их надо решать. Пирамида же эта сама вырастает из еще более широкого основания школы и дошкольного воспитания. То есть охватывает всё человечество, навязав ему свой подход.

И человечество его приняло, потому что обрета́ть знания, не думая и не решая задачи, а спрашивая и получая готовые ответы, проще и легче.

И мы с детства отучаем себя думать и переучиваем на то, что принято в этом мире. Для нас в том возрасте это тоже задача выживания, как научиться сдерживать исследовательский порыв и заставить себя жить чужим умом. Мы решаем ее и становимся успешными... но бездумными.

Я не шучу и не перегибаю палку. Если вспомните детей и даже зверей, то увидите, что изначально нам свойственно исследовать, думать и решать те задачи, которые жизнь ставит на нашем пути, как задачи выживания. Вспомните и то, как в итоге этих исследований мы портили вещи, а нам объясняли, иногда мягко, а иногда и очень болезненно: прежде чем соваться со своим умом, спрашивать надо!

Вы даже вспомните или узнаете выражения вроде:

– Я думал...

– Нечего тебе думать! Кто тебе велел думать?! Кто ты такой, чтобы думать?! Думать за тебя умные люди будут! Ты должен не думать, а делать то, что тебе говорят те, кому думать полагается!

Они действительны даже когда мы взрослые, потому что в ответ рождается злое решение: ну и думайте сами, а я буду тупым исполнителем и так вам отомщу. Вы еще пожалеете! Это состояние тем хорошо, что оно приходит на памяти, и часто даже болезненной, и мы можем легко раскрыть его содержание.

В итоге такого решения мы начинаем изображать тупых, считая, что где-то внутри мы гораздо умней, чем изображаем. Мы всего лишь играем в тупого исполнителя, всего лишь набираем выражения вроде: нам думать не полагается, мы людишки маленькие! Но в итоге это состояние становится образом жизни. А когда оно оказывается спасительным, то мы еще начинаем чувствовать в нем силу, будто живем в бронежилете. И тогда воздействие решения не думать сказывается на всей жизни.

Но важнее этого то, что, вспоминая подобные решения, мы можем понять, что было с нами в детстве. Там тоже принимались такие же решения. Пусть они звучали несколько иначе, вроде: надо всегда спрашиваться! Или: прежде чем что-то взять или что-то сделать, надо спросить разрешения! Или: надо быть похитрее, и если можно спросить готовый ответ, нечего самому гробиться!

Но при этом они точно так же сдерживали творческий порыв разума и заставляли вести себя определенным, предписанным обществом способом. Так мы становились удобными и управляемыми. И это значит, что наше общественное

устройство не нуждается не просто в тех, кто умеет думать, а в самом разуме!

Но все же, может ли способ задавать вопросы ради ответов быть одним из устройств разума?

Как кажется, может. Вот я стою перед задачей, которую не в силах сразу решить. К примеру, что-нибудь техническое, вроде неработающего прибора. Я пытаюсь его изучить, осматриваю, ощупываю, кручу в руках, жму осторожно различные кнопки, трясусь. Таким образом я пытаюсь понять, что у него внутри и как он устроен.

Как я это пытаюсь понять? Я пытаюсь представить, то есть создать некий образ, складывающийся из множества образов, полученных во время моего обследования. Представив, то есть сложив перед внутренним взором образ устройства, я смогу сделать предположение о том, как же он работает, и окажу нужное воздействие, чтобы эта работа началась.

Значит, в своем представлении я создам образ возможного действия и образ предполагаемых последствий. Пока я еще не вышел за рамки того, как думать представляя. Но выйду, потому что, глядя на это устройство, я скоро начну рассуждать, а потом и воображать, достраивая те его части, которые не смог рассмотреть, но которые бы объяснили мне, почему же он все-таки не работает.

А потом я сдамся и пойду спрашивать знающего человека. И запущу прибор.

Это определенно будет решением моей жизненной задачи. Не его ответ и не то знание, которое он даст мне готовым, а то, что я пойду его искать.

Вот почему разум детей так легко принимает требование не думать, а спрашивать — оно естественно для разума как один из способов работы.

И значит это то, что человечество живет с перекосом, используя по преимуществу лишь одно из устройств разума и развивая его чрезмерно, в ущерб остальным.

Но можно увидеть это и иначе: человечество пару тысяч лет назад рассмотрело эту часть разума и решило обеспечить ее работу, выстроив внешние приспособления. Все огромное научное здание обращено для того, чтобы человеку можно было пойти и спросить ответ. И обращено основательно в виде приспособления, соответствующего самому устройству разума, так что поиск ответов оказывается очень естественным и относительно простым.

Здание науки, со всеми его строениями и отделениями, раскладывает все возможные вопросы о мире по полочкам, соответствующим устройству мира. И если нам нужен ответ на вопрос о какой-то части мира, мы всегда можем найти науку, соответствующую этой части. А в ней тех, кто подскажет, где лежат заготовленные впрок знания.

Следовательно, мы вполне можем достроить и остальные устройства разума до такого же развитого состояния. И тогда никакого перекоса в развитии человечества больше не будет.

Надо только понять, что и как достраивать.

Глава 3. Отучение или приучение?

Со способностью разума думать, задавая вопросы, в общем-то, почти все ясно. В сущности, если мы задаем вопрос не ради ответа, а ради решения какой-то задачи, это действительно думание.

Но есть кое-что, что нельзя обойти молчанием. Первое – это сама возможность решать задачи спрашивая, то есть задавая вопросы. Как кажется, это вполне бытовое действие есть нечто парадоксальное и даже невозможное. По крайней мере, с точки зрения и европейской философии и, к примеру, буддизма, в этом есть странность.

Суть ее в том, что если я хочу изучить разум, я должен изучить его как таковой, как некое когито: я мыслю, значит, я существую. И мыслю Я и просто существую Я в одиночестве. И все мои качества и способности – это части моего разума, никак не зависящие от других разумов. Разум должен быть самодостаточен. Только тогда он соответствует Я.

Этот самодостаточный разум, как некое Я, может столкнуться или встретиться с другим Я-разумом. И европейская философия двадцатого века описала эту встречу как «проблему Другого».

Но Я-разум не может иметь устройство, изначально предполагающее, что сможет обеспечить выживание только с по-

мощью другого разума. Другое Я, как и другой разум, в данном случае не рассматриваются чем-то отличным от любой внешней вещи, которую я могу использовать для выживания. В силу этого другое я всегда неведомо и должно исследоваться наравне с любыми вещами мира на предмет полезности.

Иначе говоря, воплотившись, я должен буду познать этот мир и познать в нем каждую вещь, с которой встречу. В том числе я познаю, что яблоко съедобно, мех теплый, этот человек может за меня заступиться, а этот знает, как устроен электрический выключатель. По общефилософским взглядам, извлечение пользы из других – это предмет познания других. Но отнюдь не изначального знания.

Но если способность разума думать, задавая вопросы, есть часть его устройства, значит, я не просто изначально готов к встрече с другим и знаю, как его использовать, но мы вообще шли в этот мир вместе, зная, что в одиночку не выжить.

И более того: мы по своему устройству не являемся некими обособленными Я. Мы сделаны так, что можем соединяться в огромные разумные цепи, будто мы одно единое существо, состоящее из условно самостоятельных клеточек...

В прошлой главе я говорил о том, что в детстве для нас естественно исследовать и решать задачи самостоятельно. Конечно, мы много ошибаемся и портим много вещей. Поэтому окружающие люди переучивают нас, приучая не решать задачи самостоятельно, а спрашивать у тех, кто знает

готовые или лучшие ответы. И это точно обеспечивает нам лучшее выживание в мире людей.

Совет и требование не изобретать велосипеды, а сначала учиться и познавать, то есть спрашивать тех, кто знает, кажется мудрым. Но если вдуматься, то только для тех, кто собрался выживать легче. И отнюдь не для тех, кто хочет научиться думать. Для этих ошибаться полезно и даже жизненно важно.

Поэтому с точки зрения обучения думать требование спрашивать выглядит как отучение думать. Детей человечества ломают, заставляя жить по образцам, а значит, стать послушными и управляемыми. Это очевидно.

Но очевидность оказывается сомнительной, если мы допускаем, что способность думать, спрашивая другие разумы, является исходно одним из устройств разума вообще. Если разум рождается, изначально предполагая, что надо выживать сообществом, тогда требование спрашивать очень важно.

Оно не переучивает, а приучает и воспитывает определенную культуру думания.

Конечно, и в этой культуре возможны перегибы, когда лучшие решения разума превращаются в образцы, а разум в мышление. Но это я оставляю за скобками, как говорится. Побочные явления возможны везде.

Главное: должны ли мы научить себя думать, спрашивая? Должны ли мы осознать, что мы – один большой разум или

одно большое сознание, и это надо не только принять, но и освоить, то есть обучиться не просто думать, но и жить большим?

Не думаю, что это будет для нас просто, поскольку слишком похоже на иное качественное состояние человеческого бытия.

Раздел второй. Думать рассуждая

Вот уж чему было посвящено много работ, так это искусству рассуждения. Собственно говоря, им были и софистика, и диалектика, и логика. И даже научный метод – это, в первую очередь, способ рассуждать. С нового способа рассуждать началось все Новое время Европы и мира, если принять за его начало «Рассуждение о методе» Декарта. Так что открывать здесь что-то новое вряд ли стоит.

Впрочем, Декарт начал именно с того, что усомнился во всех прежних способах рассуждения. И оказалось, что они не подходили для того, что задумала нарождающаяся Европейская буржуазия – для переворота мира и перераспределения мест в его устройстве. А вот предложенный Декартом метод, легший в основу современной Науки, вполне для этого подходил. Таким образом, рассуждение оказывается чем-то большим, чем искусством увязывать между собой слова. Да и новое в нем иногда открывают, если на это есть заказ...

Впрочем, открыл ли Декарт что-то действительно новое в самой способности нашего разума рассуждать, я не знаю. А вот его сомнение в правящем мировоззрении использовали...

Моя задача проще: мне не нужно переворачивать мир. Мне нужно лишь познать себя. Поэтому мне будет достаточно просто описать то, как я думаю рассуждая, а также саму

мою способность рассуждать. Думаю, не ошибусь, если назову ее рассудком.

Глава 1. Что такое рассуждать?

Что такое рассудок, я писать не буду. Что думают об этом ученые и философы, я приводил во Введении. Сам же я уже дал определение: рассудок – это часть или устройство разума, обеспечивающее способность рассуждения. Это совершенно точное определение, если исходить из значений слов русского языка.

Конечно, действительность может оказаться несколько шире. К примеру, к рассудку может относиться и способность суждения. Но пока я предпочту ввести разделение понятий и здесь, отнеся суждение и вынесение оценок к способности судить, Суду. Пусть даже это лишь часть рассудка. Суждения же безоценочные, если таковые бывают, я понимаю как простые высказывания, из которых строится рассуждение.

Но я могу ошибаться и, что определенно, не учитывать то, что человечество достигло в понимании способности рассуждения за то время, что изучает ее. Поэтому я намерен не открывать Америк, а сначала поднять то, что считается сегодняшним уровнем понимания этой моей способности. Начну с лингвистических словарей, в которых, безусловно, отражены и научные достижения сегодняшнего дня, и народные

понятия.

«Толковый словарь русского языка» Ожегова и Шведовой дает очень короткие определения. Поэтому я приведу и определение «Рассудка», чтобы сделать очевидным, что на научные определения рассудка можно не обращать внимания – они как-то странно не вяжутся с определениями рассуждения.

«Рассудок. 1. Способность к мыслительной деятельности, к осмыслению чего-нибудь. 2. Здравый смысл, разумность.

Рассуждение. 1. Умозаключение, ряд мыслей, изложенных в логически последовательной форме. 2. Высказывание, обсуждение».

Конечно, рассудок можно увязать с рассуждением, как ряд мыслей с мыслительной деятельностью... только куда при этом девать мышление? Подобное определение настолько общо, что перестает быть определением. Впрочем, и Толковый словарь этот самый общий, так что с него и спросу нет.

Словарь под редакцией Евгеньевой тоже немножко бредит насчет самого рассудка – «способность логически мыслить, рассуждать, осмыслять действительность; ум, сознание», – но среди прочего, как видите, высказывает и здравые суждения. К бреду я отношу не только приравнивание рассудка к уму и сознанию, но и «логическое мышление». Для русского лингвиста это постыдное высказывание, по-

тому что оно просто подменяет понимание на модное иностранное словечко, в сущности, мешая понимать, что же такое сам рассудок. После такого определения можно только отправиться за пониманием рассудка из языковедения в логику.

Зато Словарь увязывает рассудок с рассуждением и дает подсказку исследовать, не дает ли рассуждение в итоге своей деятельности осмысления действительности. Итак, рассуждение.

«Рассуждать. Мыслить, строить умозаклучения // Приводить, излагать (в доказательство или объяснение чего-либо) логически обоснованные суждения, умозаклучения. // Излагать, высказывать свои мысли, суждения. // Вступать в пререкания, возражать, обсуждать».

Почему я так жестко исключаю из языковедческих определений все, что связано с логикой? Во-первых, потому что языковеды логики не знают и используют это словечко простонаучно, то есть как модное и действенное. За логикой я схожу к логикам. Во-вторых, это к стыду языковедов, русский человек узнал о логике лишь в восемнадцатом столетии, да и то лишь о том, что она есть. Кроме узкого круга философов, логики никто из наших людей не знает, да и философы сомневаются, что среди них найдется много ее знатоков.

Но при этом русские люди рассуждали и рассуждают, при-

чем даже тогда, когда говорят: логично и нелогично! Способность рассуждения не нуждается в логике и к логике не относится. Это логика, быть может, относится к способности рассуждать. Определять сущность через ее вторичные признаки – плохой тон. В сущности, это определение примерно такого рода: и еще про рассудок распускают сплетни, что он замечен в связях с логикой... по ним и можете составить себе о нем мнение.

Точно так же придется отбросить попытки определить рассудок через мышление. Если сами ученые считают, что мышление – это общее понятие по отношению к частным, вроде разума и рассудка, то Мыслить – это думать и рассуждать, но не наоборот. Это определение тоже сомнительно, поскольку это мышление – частный случай работы разума. Поэтому мышление, скорее, способность разума, равнозначная рассудку как его другой способности. Смешивать их можно лишь в том случае, если мы исходно отказываемся разделить понятия и навести в них порядок.

Из всего большого определения этого словаря остается, пожалуй, лишь: строить умозаключения и приводить в доказательство «логически» обоснованные суждения.

«Логически» – я ставлю в кавычки, потому что Словарь что-то понимает под этим неведомым ему речением. Скорее всего, словечко это совсем излишне в данном высказывании, и было бы достаточно просто сказать, что суждения эти обоснованные. Но я все же

посмотрю, что же он сам понимает под «логическим».

Заодно и сниму это проклятие русского языкознания.

Конечно, писавший это языковед знает, что есть логика как наука – «о законах и формах мышления». Но он также знает и иную «логику», под которой понимает:

«2. Ход рассуждений, умозаключений. // Правильность, разумность умозаключений. 3. Внутренняя закономерность. Логика событий».

Бедное, бедное языковедение! Как ход рассуждений или умозаключений стал вдруг логикой? Прямо хоть детектив писать начинай! Даже если логика действительно наука о законах и формах мышления, то как сам ход рассуждений стал ею? Ведь он может соответствовать или не соответствовать тому, что языковед считает логичным.

Впрочем, в эту материю лучше бы не соваться, потому что определение, использованное языковедом, исходно неверно. Если логика – это наука о законах и формах мышления, то к ней неприменимо понятие правильности. «Неправильное» мышление – тоже одна из форм мышления. Но мы знаем, да это видно и из определения, что для логиков и самого языковеда, логика – это наука о правильном мышлении! Так она рождалась, и так всегда себя подавала.

Ход рассуждений не может быть логикой! Он лишь предмет для ее исследования.

Но даже если языковед имел в виду «правильность» мышления, когда говорил о «логичности суждений», вопросы

остаются. Во-первых, стоило бы определить, что считать «правильным» рассуждением. Можно ли их приравнять к разумности, как это и сделал Словарь, поставив через запятую. А если можно, что это означает: что словом «логично» просто подменили русское слово разумно?

Во-вторых, хотелось бы понять, что такое «внутренняя закономерность»? У меня есть подозрение, что со времен софистики это всего лишь убедительность. Словарь приводит к определению логики как хода рассуждений и умозаключений такие примеры: «Это был человек безукоризненной логики, всегда лучше других умевший обосновать то, в чем он был убежден. Сергеев-Ценский. После долгих споров, после обидных и резких разговоров Коля сдался: железная логика и опыт прожитых лет победили».

Убедительность или искусство побеждать в споре, вот что понимается под логичностью. И это не правильное мышление, это – ораторское искусство!

Для того чтобы строить разумные умозаключения и видеть присутствующую в них «внутреннюю закономерность», логикой владеть не надо. Надо видеть эту закономерность и хорошо знать, что хочешь. От людей. И для себя.

Закономерность, скрывающаяся внутри умозаключений, которые ты высказываешь в рассуждении, очевидно, дает им силу, которой нельзя противостоять, как богам или природе. Просто потому, что она и есть выявление законов природы.

ды или богов. Рассуждение переведенное в искусство спора превращается в искусство сталкивать своего человеческого противника с силами, которые ему не по зубам. И так принуждать его подчиниться и стать управляемым. Это с психологической точки зрения.

И это относится к той способности рассуждать, которую в быту стали именовать логикой. Но относится ли это к рассудку?!

Рассудок, безусловно, может делать и это. Но он может и в научную логику играть. Рассудок – это машина рассуждений, условно говоря, ему все равно, что делать, если это нужно хозяину и соответствует его природе. А какова природа рассудка?

Раздел третий. Думать представляя и думать воображая

Эти две способности разума я намерен вынести в отдельную книгу. Поэтому пока лишь кратко обозначаю их как темы.

Могу сказать определенно, что в отношении представления наука поймала саму себя в ловушку, которую подстроил ей еще Кант. Во-первых, он сумел сделать логику частью теории познания, и это привело научное сообщество к обеднению предмета психологии, поскольку психологи вслед за философами стали считать, что основное содержание сознания – это стремление к познанию. Задача выживания и прочие жизненные задачи были утеряны.

Во-вторых, чтобы обосновать движение от бытового использования разума к некоему «чистому», «трансцендентному» разуму, то есть, в сущности, к божественному Логосу, Кант построил своеобразную лестницу качественных состояний сознания во время познания. Ей соответствовали и орудия познания – различные виды образов, в которых это познание закреплялось. Естественно, лестница должна начинаться с низшей ступени, и ею оказалось представление...

В действительности, представление – это как театральный спектакль – большое зрелище, во время которого нечто пред чем-то ставят для обозрения. А именно какие-то образы, ча-

ще чрезвычайно сложные, пред внутренним оком или глазом души. Эти образы представлений могут включать в себя как простейшие образы, только что созданные из впечатлений органов восприятия, так и многоуровневые понятия. Но для того, чтобы лестница вела на Небеса, всем богатством содержания понятия «представление» пришлось пожертвовать и сделать из него простейший кирпичик психологии...

В итоге большая часть европейской научной психологии неверна, поскольку использует искаженное понятие в качестве основания для всех своих рассуждений. Но об этом надо говорить подробнее, что я уже делал в предыдущей книге и сделаю в следующей.

Что касается воображения, то это тоже очень богато исследовавшаяся тема. Психология много занималась воображением, и ею накоплен обильный материал наблюдений и осмысления. Я надеюсь, что смогу им воспользоваться и для понимания того, как надо думать, и для того, чтобы перейти к изучению творческого воображения.

Воображение я тоже оставляю для следующей части моего исследования.

Заключение

Эта часть науки думать, по моим понятиям, не является прикладной. Поэтому я просто делаю описание того, что

очевидно используется при думании. Именно эти очевидные вещи и оказываются, на мой взгляд, основами, из которых складывается работа разума.

Пока я выделяю четыре способности разума: думать задавая вопросы, думать рассуждая, думать представляя и думать воображая. В эту книгу войдут две первые.

Часть вторая.

Научные рассуждения

Наука, начиная с философии древности, очень много внимания уделяла искусству рассуждения. Поэтому я не посвящаю особого раздела тому, как думать задавая вопросы, но рассуждение потребует особого разговора.

Лично мое мнение о научном рассуждении весьма противоречиво. С одной стороны, наука, начиная с софистики, диалектики и логики древних греков, очень много сказала о рассуждении. С другой, научиться у науки рассуждать почему-то не удастся. Бесконечные логические штудии, которыми болел предыдущий век, учат рассуждать логически, что почти не имеет отношения к жизни... Это все игры с иными мирами и иными законами и геометриями.

Просто же рассуждать, чтобы решать те задачи, которые ставит перед собой разум ради жизни, похоже, никто из ученых не учил. А если и учили, то лишь снисходя, будто спускаясь с Олимпа... При этом сами ученые, если только им не везло сверх меры, в жизни оказывались беспомощными и неприспособленными. Их разум, столь готовый к чужим мирам, почему-то отказывался служить, когда дело доходило до простых земных задач.

Это очень напоминает мне шарлатанов от тайноведения,

которые проникают своими щупальцами в какие-то «тонкие планы», воздействуют на «карму», судьбу, что там еще есть за пределами моего земного разума, но не могут просто увидеть то, что у них перед глазами. Правда, они прекрасно читают мысли тех, кто думает о них плохо и сомневается...

Искусство, которым владеют ученые, очень важное и, наверное, необходимо для того, кто хочет развить свой разум в полном объеме. Но если его развивать сразу с этой части, разум оказывается оторванным от жизни, а значит, его рассуждения развиваются не на той основе, которую предоставляет нам действительность. Возможно, такое уродство необходимо затем, чтобы разум научился выживать в любых условиях.

Но я бы пока хотел понять Основы науки думать, и понять их психологически, то есть через то, чем живет моя душа в повседневности. Мне нужно как раз то, что позволяет думать просто и не сбегая от жизни. Поэтому я попытаюсь описать то, как думают ученые рассуждая. Точнее, что они сами говорят о том, как надо рассуждать или, на их языке, как работает мышление. Да, именно так, поскольку в последний век наука отеклась и от разума и от рассудка, упростив свою задачу до изучения одного лишь мышления...

Нам с вами от этого проще не будет, не надейтесь!

Слой первый. Очищение

Я уже очень много работаю в моем исследовании с наукой и научными сочинениями. Я опытный, меня на мякине не проведешь. Поэтому я не полезу сразу извлекать из психологии, философии и логики то, что относится к рассуждению, сначала я разгребу завалы, которыми наука перекрыла подходы к простым вещам. И я не сомневаюсь, что завалы эти есть, и немалые. Мои знания психологии и философии не позволяют мне в этом сомневаться.

В этом подходе есть и простой здравый смысл и сметка, но в действительности я просто верно иду путем культурно-исторической психологии. И не просто хочу как можно быстрее и легче пробиться к тому, что мне нужно, но и создаю КИ-психологическое пособие по очищению сознания.

Наука – один из сильнейших раздражителей и возбудителей нашего внимания. В силу этого, мы очень обильно впитываем в себя научные образы. Но это было бы еще полбеда, если бы наука была чем-то вроде яркого циркового представления, составленного из поражающих воображение номеров. Эти номера забылись бы и уж точно не оказывали бы влияния на наши жизни. Но наука обладает образами большего размера, чем мы в состоянии осознать.

Наука рождалась как смена мировоззрений, для ее развития были созданы и составили множество исторических

слоев несколько новых философий. Кроме того, она создала отвлекающие приемы, вроде «Научной картины мира», которая и кажется даже самым ученым действительным мировоззрением ученого, его образом мира. Соответственно, люди непосвященные, неспособные схватить научное мировоззрение целиком и уж тем более окинуть его одним взглядом снаружи, извне, попадают в зависимость от Научной картины мира, а с ней и от мнений ученых.

Научно – значит истинно!

А между тем, научно – это всего лишь: в соответствии с сегодняшним мнением научного сообщества. И не только потому, что сама наука постоянно отрицает то, что еще совсем недавно считала истинным, а значит шествует из одной лжи в другую, выкладывая ошибками весь научный путь к истине. Но и потому, что она до сих пор не в состоянии дать определения понятию «научно». Попыток определить, что такое наука, делалось немало, но по какому-то большому счету они так далеко и не ушли от сомнений Декарта, которые и легли в основания научного подхода четыре века назад.

Наука может быть поиском истины, и этот поиск в ней, безусловно, есть. Но так же глубоко под горами хлама, как и рассуждение. А снаружи – огромное научное сообщество, которое занято вполне мирскими делами, даже – делишками. Оно делит большой пирог, который отвоевало у общества, торгует местами у общественной кормушки и торгует-

ся из-за них. Наука – это шумный, многолюдный и весьма нечистоплотный базар. То есть то место, где мы надеемся купить чистую пищу в соответствии с обещаниями, развешанными на самых видных местах...

И ведь что поразительно: такую пищу на рынке найти можно, потому что она там есть. Хотя вероятность, что тебя там обжулят и всунут рыбу второй тухлости, многократно больше. К чистому и настоящему в науке еще надо суметь пробиться. Жить, как жили на Руси в старину, с простодушным доверием, что в книгах врать не будут, я уже не могу. Все-таки наука многому нас научила...

Поэтому я намерен сначала снять тот культурно-исторический слой в избранных мною науках, в которой ни психология, ни философия, ни логика вообще ничего не знают о том, как думать и как рассуждать. Я просто не буду разбирать эти книги, в крайнем случае лишь указывая, что в них рыбы нет.

Затем я займусь тем слоем культуры, который несут эти науки в общественное сознание, в котором рассуждение поминается, но так, что воспользоваться этим не получается. Например, потому, что оно подменяется словами о мышлении. Убедительными, должен сразу предупредить, словами, научными! Ему и будет посвящен этот раздел моего исследования, называющийся Слой первый.

И лишь в следующем разделе, во Втором слое, я постара-

уюсь погрузиться в тот культурно-исторический слой своего и научного сознания, в котором ведется хоть какой-то разговор о том, что я ищу.

Раздел первый. Рассуждение психологов

В этом разделе я буду заниматься, скорее, не собственно рассуждением, а отношением к нему психологов. Это позволит освободиться от того обаяния, которое живет для обычного человека в слове «психология». Мы непроизвольно ожидаем, что психолог может чудо, он способен изменить нашу жизнь, найти решения, спасти...

Психологи не знают, что делать с таким подарком судьбы. Пока они были простыми людьми, которые только мечтали стать психологами, они и сами верили, что психолог – это душевед и немножко кудесник. Но поступив учиться, довольно быстро поняли, что психология – это естественная наука, которая чудес не делает и даже изгоняет их вместе со всем чудесным из жизни этого мира.

И если они не сбежали тогда, то, значит, сломались и приняли договор психологического сообщества о том, что они – одно большое сообщество, ведущее битву за долю общественных благ. Можно сказать, войсковой лагерь, где все подчинены общему командованию, но каждый хочет что-то поиметь и лично себе...

После этого, чтобы их узнавали, они долго и тщательно

но подбирали наряды, оружие, знамена и опознавательные значки, изучали язык и способы поведения... Теперь они узнаваемо свои, но они больше ничего не знают о душе и даже хуже: именно психологи и должны убедить покоренное население этой страны, что души нет! Они шли, чтобы изучать душу, а оказались завербованы во вражескую армию только потому, что она назвала себя психологией...

С рассудком и рассуждением у верных бойцов армии научной психологии примерно так же, как и с душой. И в том смысле, что психологи не изучают рассуждение, и в том, что сами они рассуждают плохо... Все-таки рассуждению, чтобы им владеть, надо учиться. А как учиться тому, что изгнал из своего мира вместе с рассудком, разумом и даже умом?!

Глава 1. Рассуждение психологов

То, что у психологов сложности с рассудком, я показывал в предыдущей книге. Для них рассудок – один из типов работы логического мышления. Что такое логика, психологические словари не объясняют, предоставляя читателю самостоятельно сделать простейшее умозаключение, что это именно та логика, что описывается в учебниках логики. Соответственно, и за определением логического мышления, очевидно, нужно обращаться не к психологам, а все к тем же логикам...

Тем самым психологи отбирают у себя понятие логиче-

ского мышления и передают философам, скрыто намекая, где таится их источник знаний о рассуждении. И все же я попробую посмотреть, что думали психологи о рассуждении. Начну с самого верхнего слоя психологической культуры – со словарей и учебников. Начну с последних, опускаясь по слоям истории.

В Предисловии к этой книге я приводил выдержки из манифеста новой, революционной психологии, созданного Введенским, в которых он изгоняет разум, ум и рассудок из своей науки. Как ни странно, но его призыв сработал. Чем ближе психологические словари к нашему времени, тем реже встречаются в них эти понятия.

«Энциклопедический словарь Психология» В. Бачинина в 2005 году не знает ни одного из этих понятий. В 2003 году их не знает словарь-справочник «Психология» Р. Немова. В том же 2003 году их не знает «Психологический словарь» Копорулиной и проч., а «Большой психологический словарь» Мещерякова и Зинченко знает только «разум», да и то в значении «формы мышления, которая позволяет человеку переработать данные созерцания и представления». В общем, завещание дедушки Введенского в действии.

В 2001 году «Словарь практического психолога» Головина просто перепечатывает статью из словаря Петровского и Ярошевского слово в слово, наверное, пользуясь тем, что в

Советском Союзе не действовало авторское право.

Словарь «Психология» Петровского и Ярошевского 1990 года не имеет статьи «рассуждение». Придется извлекать понимание из имеющейся в нем статьи «Рассудок и разум». Она же, лишь с переставленным названием – «Разум и рассудок», без изменений перепечатана в словаре «Общая психология» Петровского в 2005-м. Приведу начало этой статьи, чтобы дать понятие о том, как непросто у психологов с рассудком:

«Рассудок и разум (в философско-психологической традиции) – два типа работы логического мышления. Рассудок, будучи одним из моментов движения мысли к истине, оперирует в пределах сложившегося знания данными опыта, упорядочивая их согласно твердо установленным правилам, что придает ему характер “некоего духовного автомата” (Б. Спиноза), которому присущи жесткая определенность, строгость разграничений и утверждений, тенденция к упрощению и схематизации.

Это позволяет правильно классифицировать явления, приводить знания в систему. Рассудок обеспечивает успешную адаптацию индивида к привычным познавательным ситуациям, в особенности при решении утилитарных задач. Ограниченность рассудка заключается в его негибкости и категоричности, в его неспособности выйти за пределы анализируемого содержания. В тех случаях, когда умственная деятельность человека исчерпывается

операциями рассудка, она становится абстрактно-формальной».

А ограниченность клавиатуры, на которой я печатаю эти строки, наверное, заключается в том, что ею нельзя забивать гвозди...

Я вообще не понимаю, что пишут эти люди! Не дав определения собственно рассудка, они сокрушаются по поводу его ограниченности, будто хотели, чтобы он был не рассудком, а, к примеру, творческим воображением. К тому же осуждают его за то, что он работает «абстрактно-формально», будто рассудок должен постараться и стать тем, что нравится психологу как личностная черта.

Рассудок – это рассудок. Он данность, и его надо бы познать и понять. Психологи же сокрушаются, что рассудок плохо работает моментом движения к истине, ни на миг не усомнившись в том, что рассудок – часть познавательной способности человека, как это заявили философы. Философы, вроде Введенского, сами признавались, что набредили с понятиями разума и рассудка, что же держаться за научные предрассудки?! Ведь у психологов в руках орудие, позволяющее обеспечивать философов знаниями о действительности. Телега явно поставлена впереди лошади.

Рассудок – это способность рассуждать. О рассуждении в этом словаре нет ни слова...

Любопытное определение рассудка появилось в 2007 году в «Психологическом иллюстрированном словаре» И. Кондакова. Определение не слишком удачное и самостоятельное, но в нем есть определенная смелость:

«Рассудок (от древнерусского розсудъ – рассуждение, решение). В рамках философской традиции, которая берет свое начало в античности, рассудок, как способность к рассуждению, к дискурсу, отличается от разума, предназначение которого состоит в познании божественного, абсолютного, бесконечного. Рассудок, получая свое содержание от чувств, разводит все в стороны, а разум, выступая высшей ступенью познания и имея своим предметом безусловные основания мироздания, все охватывает в едином акте (Н. Кузанский, И. Кант, Ф. В. Й. Шеллинг).

В психологии данная традиция находит свое выражение в трактовках рассудка как формы логического мышления, основанного прежде всего на данных эмпирического опыта, в отношении которого применяются определенные, заранее известные алгоритмы (сравнение, выделение, классификация, подведение под понятие и т. д.).

Синоним. Дискурсивное мышление».

Любопытно: древние греки так прямо и говорили о рассудке и разуме? Или же они все же говорили о логосе, нусе, фрэнесе, доксе, в конце концов?

А если они не говорили о наших разуме и рассудке, как удалось увязать их именно с тем, что называет Кондаков. К примеру, что там разводит рассудок? И как это наш разум занимается познанием божественного и абсолютного? Да и насчет того, как понимание рассудка древними греками отразилось в психологии, мы уже читали у Введенского. И все же, что такое, по понятиям Кондакова, дискурсивное мышление?

«Дискурсивное мышление (от лат. Discursus – рассуждение). Форма мышления, которая характеризуется последовательным перебором различных вариантов решения задачи. Чаще всего осуществляется на основе связного логического рассуждения, где каждый последующий шаг обусловлен результатом предыдущего».

Если я правильно понял, рассудок – это форма мышления, работающая на основе связного логического рассуждения. Следовательно, не все виды рассуждения относятся к рассудку? К тому же, рассудок – не совсем связное и логичное рассуждение?

Либо Кондаков перемудрил, либо я его не понимаю.

Однако, так обстоит дело с самым общедоступным словом психологической культуры, запечатленной в психологических словарях.

Вслед за ними идет слой культуры, воплощенной в обще-

доступных учебниках. Я хотел пройтись по ним так же, как по словарям, последовательно разбирая их понятия о рассуждении. Но просмотр примерно десятка учебников новой России и Советского Союза показал: у всех их есть общий источник понимания рассуждения. Источник этот – «Основы общей психологии» Рубинштейна. Этим источником и стоит заняться.

Глава 2. Рубинштейн

История все расставила по своим местам, и с ее высоты стало очевидно: в довоенном Советском Союзе было лишь два крупных психолога – Выготский и Рубинштейн. В науке, конечно, в политике их было значительно больше. Все остальные либо были зависимы от них, либо были самостоятельны, но не доросли. При этом Выготский выглядит как-то романтичней и одаренней, но у него нет работ по общей психологии, и поэтому его последователи не могут стать школой. Школа осталась только после Рубинштейна, и по ней до сих пор развивается вся наша научная психология.

Сергей Леонидович Рубинштейн (1889–1960) учился в Марбурге. Там он в 1913 году окончил философский факультет и защитил докторскую диссертацию «Очерк проблемы метода», которая в 1914 и была там же опубликована. Затем он переехал в Одессу и с 1919-го доцент, а потом и профессор кафедры философии и психологии Одесского уни-

верситета. С 1930 по 1942 – зав. кафедрой психологии Ленинградского государственного педагогического института. Затем он переезжает в Москву и заведует кафедрой психологии МГУ, с 1945 по 1949, а потом с 1956 по 1960 – заведует сектором психологии в Институте Философии АН СССР.

Чтобы стать действительно ведущей фигурой в нашей психологии, надо работать в Москве. В 1940-м году Рубинштейн создает работу, которая и заложила основы всей советской школы психологии – «Основы общей психологии». В 1942 году он получает за нее Сталинскую премию, что позволяет ему оказываться в Москве. Это определено было «кадровой перестановкой» – власть подсказывала психологам, что есть верный курс в их науке. Поэтому предшествовавший поиск Рубинштейна можно считать одобренным, как путь к созданию подлинно марксистской психологии, о которой было заявлено красными идеологами еще в начале двадцатых.

Правда, в 1947 году Рубинштейн оказался одним из тех, кого «критиковали» как космополита, то есть человека без родины, живущего мировыми ценностями, а не ценностями этой страны. Какой страны, любопытно узнать?

Если Советского Союза, то и весь марксизм был космополитичен. Если же России, то не было после революции такого психолога, который бы исходил из своих русских предшественников. Сочинения их действительно оставляют ощущение, что это стая американского воронья, готовая, как гер-

манские евреи с приходом фашистов к власти, сняться и улететь в Америку. Как они и сделали, когда начались гонения.

Но увязывать эту черту ранней советской науки с тем, что ее, по преимуществу, делали евреи, не приходится – все наши психологи той поры космополитичны. Думаю, по двум причинам: русскими быть нельзя, потому что тогда ты затаившийся враг «из бывших», а сама наука, включая марксизм, требует от ученого оторваться от родных корней и стать членом международного научного сообщества. И Рубинштейн, и Лурия начинали с зарубежных публикаций. Значит, вполне могли уехать или остаться там. Но не уехали. Не уехал и Выготский. Они и не хотели, они хотели жить здесь. Но вот душой они действительно были не в России, а в Науке...

Рубинштейна в 1949 сняли со всех постов, подвергли критике и «Основы общей психологии», но это не имело значения, не было в Советском Союзе психолога, который мог бы действительно с правом критиковать эту книгу. Для этого надо было быть хотя бы равным Рубинштейну. Поэтому после смерти Сталина Рубинштейна восстановили на всех должностях, а «Основы» стали основами, и все наши учебники психологии так или иначе повторяют их. По крайней мере, в общем устройстве и в той части, что касается рассуждения.

Главная книга Рубинштейна «Основы общей психологии» выросла из работы, которую Рубинштейн писал тогда, когда

Выготский работал над своей главной книгой – «Мышление и речь». Выготский умирает в 1934 году, тогда же посмертно издают и эту его книгу. А в 1935 Рубинштейн издает «Основы психологии», за которую в 1937 ему без защиты была присуждена степень доктора педагогических наук по психологии. В 1940-м он сам напишет, что именно из нее выросла его новая работа, «но по существу – как по тематике, так и по ряду основных своих тенденций – это новая книга».

Но и издание 1940 года было изрядно переделано Рубинштейном, когда он переиздавал «Основы» в 1946. В частности, была в значительной мере убрана критика Выготского, в частности, в интересующих меня вопросах. В 1989 году ученики Рубинштейна осуществили третье издание «Основ», в сущности, переиздав текст издания сорок шестого года, но дополнив его своими комментариями и отрывками из тех работ Рубинштейна, что позволяли полней раскрыть его взгляды на отдельные предметы.

Поэтому я буду пользоваться первым и третьим изданием, говоря о последнем, и как о втором.

Рубинштейн крупный психолог, к тому же рассматривающий психологию философски. Как и Выготский. Его нельзя просто пересказать, как словари или университетские учебники, – от этого ошибки, если они у него есть, не станут очевидными. Его надо понять, насколько это мне доступно. Для этого придется сначала взглянуть на его работу как на явление культуры.

А это значит, мне придется сделать отступление и дать краткий очерк той культурной среды, в которой рождалась психология Рубинштейна. Точнее, тот ее раздел, что, так или иначе, посвящен нашей способности рассуждать. Раздел этот в современной психологии называется Мышление.

Отступление. Психологическое мышление

Культурная среда, в которой вызревали заложенные Рубинштейном в основания всей советской психологии понятия о мышлении, конечно, была психологическим сообществом. Это люди с их взглядами. Безусловно, при этом надо учитывать идущее извне воздействие общества на это сообщество. В советское время это воздействие очевидно, оно определяется идеологической политикой новой власти, подкрепленной репрессивным аппаратом.

Требования советской идеологии ложатся вполне распознаваемым слоем культуры во все, что пишут психологи. Наружную его часть распознают все, потому что эти очевидные вкрапления цитат из классиков марксизма-ленинизма и призывы к правильному поведению похожи на политические лозунги. Однако есть и внутренняя часть, так сказать, присутствие искреннего марксиста, как писали про себя метры советской психологии, вроде Леонтьева.

Тут надо учитывать, что никакого давления на психологов до 1928 года не было. Да и после двадцать восьмого года оно

было незначительно. Действительные сложности начинаются с середины тридцатых, когда психологам понемножку начинают «вправлять мозги» партийные товарищи. Тем не менее, уже с начала двадцатых психологи сами ставят себе задачу разработать новую науку – марксистскую психологию. И ее просто по цитатам не распознаешь, она – в самом строе мысли.

Следовательно, у советских психологов надо различать не меньше двух слоев культуры – внешний идеологический и мировоззренческий, – лежащих поверх собственно поиска истины. В действительности, этих слоев больше. Но третий слой, в какой-то мере, исторически шире, чем советская культура. Внешне он выглядит как зависимость от западных – европейских и американских – интересов в психологии.

Именно интересов, а не психологов. С их психологами наши ученые свободно спорили. Но вот освободиться от тематики не могли – у Советского Союза стояла задача ДИП – догнать и перегнать – сначала весь капитализм, а потом Америку в частности. Как военного врага. А врага надо знать...

Однако слой культуры, который можно назвать «любими силами не отстать от Запада», уходит корнями в дореволюционное прошлое. В нашей философии бытует мнение, что Россия не философская страна, и вся наша философия была заимствована. В силу этого, можно сказать, что задача не отстать всегда стояла перед нашей философией вообще и психологией в частности. Но это будет верно лишь отчасти.

Зависимость нашей философии от западной до середины девятнадцатого века была иного качества, чем после появления естественнонаучного мировоззрения. Она была романтической. Философы наши, конечно, учились у западных философствованию. Особенно ярко это было во времена увлечения вольтерьянством и после появления немецкого идеализма Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля.

Но романтичность предполагала свободный душевный выбор, а значит, и вполне определенную свободу в отношении к предмету почитания. Об этом прекрасно написала Татьяна Владимировна Артемьева, рассказывая о русской метафизике считающегося философическим восемнадцатого века:

«Таким образом, совокупность принятых в западных системах терминов не играла в русской философии роль категориального аппарата, а имела другой, хотя и достаточно важный для понимания смысл. <...>

Для нее прежде всего важен сам процесс исследования, “размышление над”, а не “приведение к”. Законченное рассуждение с логическим выводом – это не итог метафизического, а его составная часть, “концепт”, категория, “кирпичик”, из которого построено причудливое здание философствования. Мыслитель добывает материал для своей постройки в разных культурных рудниках. Он использует мрамор античной культуры, и добротный гранит Нового времени, и причудливые украшения, привезенные с Востока» (Ар-

темьева, с. 15).

Эта мысль о метафизике восемнадцатого столетия полностью относится и к первой половине века девятнадцатого. Наши философы, вроде Авсенева, Галича, Карпова, Голубинского, безусловно перерабатывают то, что пишут в других странах, но при этом пытаются сказать что-то свое. Для меня это особенно ярко видно на примере Василия Николаевича Карпова, издателя и переводчика Платона.

Историки русской философии, вроде Введенского или Шпета, отзывались о нем язвительно. В итоге Карпов ушел в забвение и неизвестен русскому читателю, в том числе и профессиональному, то есть получившему философское образование. Между тем он пишет о феноменологии на полвека раньше Гуссерля и того же Шпета. Пишет, обгоняя свое время. Но Шпет не видит этого. Увлечение платонизмом, к которому Карпов приходит, не удовлетворившись немецким идеализмом, приводит его к обоснованию прикладной философии самопознания. Но этого не видит вообще никто из философов, писавших о нем.

Точнее, видят как личное чудачество, как исторический факт, который никому не интересен. В последнем слове скрыт ответ: интерес – англоязычное слово, обозначавшее исходно денежную выгоду. Видеть самопознание современному философу не выгодно. Не выгодно же стало с того времени, когда понятие выгоды стало правящим в научном мировоззрении вместо истины – со второй половины девятна-

дцатого века.

Происходит это более, чем не случайно. Это такая же неизбежность, как русская революция. В это время по всей Европе завершается одна большая революция – к власти приходит новый класс – буржуазия. С его приходом правящим становится буржуазное мировоззрение, основой которого и является выгода. Орудием захвата власти буржуазией было Просвещение. Но сутью этого захвата был именно переворот мировоззрения.

В мире, который видится иначе, который перевернут, то, что было вверху, оказывается внизу. В силу этого оно вызывает отторжение и отвращение. Так поступили с ценностями аристократии, чтобы освободить свято место на престоле. А заполнили его тем, что было главным для нового Властителя. В итоге старые философские понятия были объявлены смешными или вредными, а на смену им пришел «свет разума» по имени естественнонаучное мировоззрение.

Мировоззрение это строилось на гипотезах, но подавало себя как единственную истину. В сущности, произошла подмена. Истина из мира была перенесена в науку. Теперь истиной стало не то, что есть, не естина, а то, что говорит Наука! Научно – значит истинно...

И вот множество ученых, чувствуя, что в новом мире надо вести борьбу за выживание, суетливо изъясляют приверженность новому мировоззрению, отрекаясь от старых, ме-

тафизических или идеалистических взглядов. Все это – не более чем политическая борьба, ничем не отличающаяся от того, что будет происходить в России после революции. Но принято считать, что это была выработка новых научных парадигм или борьба за научную чистоту.

Всё это ложь. И мы ее хлебнули сполна в Советском Союзе, где просто нельзя было исследовать то, что не соответствует правящей идеологии, даже если это есть и без этого мы в тупике. Самое главное, что за рубежом, где в это время правили «свобода и демократия», было то же самое. Только там власти не так сильно лезли править мировоззрение ученых. Поэтому они делали это сами и вполне успешно травлили своих собратьев.

Чего стоит один пример дианетики, которую вытравили из США исключительно по экономическим соображениям, даже не озаботившись понять, было ли за этой странной наукой зерно истины. Конкурентная борьба за рынки при капитализме – вещь жестокая и кровавая!

Третий слой сознания наших психологов, безусловно, связан с естественнонаучностью. В психологии это особенно заметно – она, в отличие от философии, уж слишком откровенно попыталась предать себя и стать частью биологии, то есть естествознания. И с тех пор всё тянутся перед ней неверные, кривые пути... Наука о душе без души!

Все эти напластования над тем, что соответствует дей-

ствительности, как-то надо суметь разглядеть в тех работах, которые составили культуру нашей современной психологии. Признаюсь, мне это совсем не просто.

Глава 1. Тело советской психологической науки

В науке есть такое понятие – корпус – свод или совокупность основных работ или понятий. В сущности, это лишь простонаучно названное тело, что я и предпочту. Корпус научных понятий – это то, что составляет тело определенной науки или научной дисциплины. И проще всего его рассмотреть по оглавлениям тех книг, которые считаются основными в этом направлении. Сейчас, правда, предпочитают использовать словечко еще красивше – парадигма.

Для психологии в целом такими книгами, в которых выложены корпус или тело психологических понятий, являются учебники или работы вроде Рубинштейновских «Основ общей психологии». В самом кратком виде он описан в их оглавлениях.

Беру, можно сказать, наобум несколько книг с полки и изучаю названия разделов.

Крутецкий В. А. Психология. Для пед. училищ. 1986 год.

Введение. Немножко мути про материалистически понимаемую психику и мозг.

Личность и деятельность.

Познавательные процессы личности:

- Ощущения
- Восприятие
- Память
- Мышление и речь
- Воображение

Эмоционально-волевая характеристика личности

- Эмоции и чувства
- Воля

Психологические особенности личности

- Темперамент
- Характер
- Способности

Вот, в сущности, и всё, что изучает современная психология. За этим только специальные темы, вроде возрастной и педагогической психологии. Учебник Крутецкого – это, условно говоря, научный ширпотреб.

А вот мэтр психологии: Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. 2000. На самом деле это издание лекций, отчитанных еще в 1973–75 годах:

Введение. Изрядно мути о марксистской мечте о марксистской психологии.

Восприятие

Внимание и память

Мышление и речь

Мотивация и личность

Видны авторские предпочтения. К тому же это не учебник, а лекции, в которых автор чувствовал себя свободней. И все же, это и есть основной корпус современной психологии. Он узнаваем.

Еще один учебник, теперь университетский и более ранний. Иванов П. И. Общая психология. 1964.

Раздел 1.

Предмет, значение и методы психологии. Немножко мути в свете марксистско-ленинской философии.

Нервно-физиологические основы психики.

Развитие психики.

Раздел 2. Психические процессы

Ощущения

Восприятие

Память

Воображение (фантазия)

Мышление

Речь

Внимание

Чувства (эмоции)

Воля

Умения, навыки, привычки

Раздел 3. Индивидуальные особенности личности

Темперамент и характер

Способности и интересы

Но вот беру «Общую психологию», так сказать, классика советской психологии Узнадзе:

Введение. В нем даже о самонаблюдении, наблюдении и эксперименте.

Биологические основы личности.

Психология установки.

Психология эмоциональных переживаний.

Психология поведения

Психология восприятия

Психология мнемических процессов. Это о памяти.

Психология мышления

Психология внимания

Психология воображения

Это в изрядной мере иная наука. Корпус ее наполовину не совпадает с современным. Почему? Потому что эта книга написана в 1940-м году. То есть Узнадзе писал до того, как «Основы общей психологии» Рубинштейна получили Сталинскую премию. А что предложил Рубинштейн?

Часть 1.

Предмет психологии

Методы психологии. И тоже о наблюдении и самонаблюдении.

История психологии

Часть 2.

Проблема развития в психологии

Развитие поведения в психике животных

Сознание человека

Часть 3.

Психические процессы в действии

Ощущение и восприятие

Память

Воображение

Мышление

Речь

Внимание

Эмоциональные процессы

Волевые процессы

Часть 4.

Деятельность

Часть 5.

Направленность личности

Способности

Темперамент и характер

Самосознание личности и ее жизненный путь

Вот это и есть корпус современной психологии как науки. Это ее тело. Как видите, учебники попроще стараются повторить его как можно ближе к первоисточнику. Мэтры творчески отступают. Слегка. Чтобы не очень выделиться...

А что было до Рубинштейна?

В сущности, полноценных учебников общей психологии до него не было. В советскую пору, конечно. Хотя задача такая была поставлена еще в середине двадцатых. И уже в 1925 году в издательстве «Работник просвещения» вышла работа С. В. Кравкова «Очерк психологии», которая как раз и пыталась решить задачу создания марксистского учебника общей психологии. Вот как виделся корпус психологии тогда:

Целостность психо-физического существа

Реактивный характер психической жизни

Психическое развитие

Восприятие

Память

Внимание

Чувства

Мышление

Воля

Это заказ идеологической машины, которая ведет просвещение. Он еще не точен, идет поиск. Через десять лет, в 1934 году выйдет работа Выготского «Мышление и речь», которая многое уточнит. А в 1935 году, как вы помните, первая попытка Рубинштейна – «Общая психология», из которой и вырастут «Основы». И в том же 1935 году появится книга Блонского «Память и мышление», которая, как и работы Выготского, была посвящена лишь части корпуса, а именно,

мышлению.

Я отмечаю это, чтобы сделать очевидным: в советское время идет мощная разработка именно этой части психологии. И я назову ее новой частью. И эта часть уверенно и определенно входит в современную психологическую парадигму. Однако так было не всегда.

До этой книги было несколько работ переходного периода. Одна из них принадлежит человеку, чье дело продолжал Выготский и который умер достаточно рано, чтобы Советская власть не успела объявить его врагом. Николай Николаевич Ланге (1858–1921), в сущности, был преемником и продолжателем дела Сеченова. Классик при жизни. После революции он возглавлял кафедру психологии Одесского университета. На этом посту его сменил Рубинштейн.

Последней книгой Ланге, завершенной, очевидно, в годы революции, была «Психология», где он попытался создать новый образ этой науки. Казалось бы, именно Рубинштейн должен был продолжить его дело. Однако, как пишет Ярошевский, издавший эту книгу Ланге под названием «Психический мир», «Рубинштейн оказался безразличным к полной новаторских идей книге Ланге “Психология” о которой сказано только то, что она “хороший сводный очерк психологии”» (Ярошевский, с. 34).

«Сказано» было в некрологе, который Рубинштейн написал на кончину Ланге. Прав ли он был? Мы знаем, как развивалась психология. Значит, в том, что предложил Кравков, а

Рубинштейн закрепил, была сила. А вот, что предлагал Ланге:

Психический мир и его эволюция. (Много о биологическом происхождении психики.)

Борьба воззрений современных психологов

Душа и мозг

Ощущения

Восприятия и иллюзии

Ассоциации и память

Чувство и эмоции

Волевая деятельность

Ланге определенно не был бездарен или лишен чутья. Но у него еще нет мышления. И есть сильно устаревшие ассоциации и уж совсем неприемлемая душа. И даже если он ее и отрицает, а это именно он придумал понятие «психология без души», он все равно ведет себя неприлично.

Книга Ланге показательна тем, что в ней еще нет культурных наслоений марксизма. Он исключительно естественник. И тем она страшней. Но мне сейчас важно, что это – переходная книга от марксистской, идеологизированной психологии, к естественнонаучной психологии предреволюционной поры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.